

18 МАИ 1985

Вечерний Ленинград
г. Ленинград

● СУДЬБЫ

Танцовщица и боец

Я никогда не видела, как танцует Елизавета Степановна. Но в одну из душевных минут нашего разговора она вдруг поднялась со стула, вытянулась в струнку, хлопнула в ладоши. И, не сходя с места, сделала ногами несколько неуловимо — слитных движений, которые в цыганской пляске именуются словом «трапаки». Это не был танец, скорее, его маленький штрих, намек на то, какая сила, какой огонь и страсть могут сейчас выплеснуться из хрупкой плясуньи.

— Знаете, что такое мука адская? — сказала через секунду моя собеседница. — Это когда внутри горит огонь и не танцевать не можешь, а ноги тебя не слушаются. Я испытала этот ужас сорок три года назад и помню до сих пор...

Ее ноги называли золотыми, и не только за красоту. В три года маленькая ленинградская цыганка Лиза Марцинкевич переплясала в открытом состязании известную на всю страну плясунью. А в двенадцать лет — выступала в профессиональном ансамбле цыган. Рыжеволосая, гибкая, ясноглазая — она вся была, как вихрь, как олицетворение неисчерпаемости

жизненных сил, страсти и радости бытия.

Война застала Елизавету Марцинкевич (в замужестве Богданову) на гастролях. Несколько недель добиралась она в Ленинград, ехала в товарняках, ночевала на вокзалах. Торопилась к родным, когда приехала — оказалась одна. Мать эвакуировалась под Новгород, муж, брат, племянник ушли на фронт. В ту первую, самую страшную блокадную зиму родился и умер ее первенец. День за днем таяли силы, угасали глаза, и совсем недавнее прошлое казалось таким далеким. Каким-то чудом бойцы МПВО разглядели в маленькой исхудавшей женщине признаки жизни. Много лет после войны Елизавета Степановна ходила на одну из старых ленинградских улиц и подолгу стояла возле больницы, где второй раз родилась на белый свет.

...В комнате, где мы разговаривали, на стене портрет Елизаветы Степановны, сделанный сразу после войны. На фотографии поразительно красивая, нарядная женщина.

— Этот костюм я соорудила своими руками. И выступала в нем в блокаду, — сказа-

ла она. — Не удивляйтесь. Да, из больницы вышла совсем слабая. Поначалу казалось, что интереса к жизни у меня нет, лица — постоянное чувство голода. Но вот однажды...

В тот день весной 1942-го она возвращалась с Кузнечного рынка, где удалось купить капустную кочерыжку. Шла тихо, по сторонам не смотрела. И вдруг замерла: откуда сверху донеслась до нее цыганская песня, мелодия ее народа. Откуда только взялись силы — поднялась на высокий этаж. Неизвестно, кто был поражен больше: сама Елизавета Степановна или артисты ансамбля МПВО, которые увидели перед собой исхудавшее до крайности существо с лихорадочно горящими глазами.

— Возьмите меня к себе... Я хочу танцевать... — вот и все, что смогла выговорить.

Относились к ней с нежностью, подкармливали, помогали вернуть уверенность в своих силах. Вот тогда-то она и прошла через муки, которые называет адскими. К ней вернулась музыка ее народа, заговорила уснувшая было кровь, задрожала в сладкой истоме душа... А сил все еще было мало. Она занималась

неистово, заново учила ноги плясать, подчиняться стихии мелодии. Для молодой цыганки это был ее личный подвиг в борьбе с войной, со смертью, с бедой всенародной. Насколько подвиг этот был важен, показало ее первое же выступление перед защитниками Ленинграда. Юбку для этого концерта она сшила из большой скатерти, которую выдала в ансамбле. А на ногах были армейские ботинки.

— Этими ботинками было легко ритм отстукивать. А потом — их высокие и жесткие голенища меня держали, ухватить не давали... Когда объявили, что сейчас будет исполнен цыганский танец «Машенька», зал буквально взорвался аплодисментами. Не помню, как я танцевала, зато как сейчас, вижу бесконечные улыбки, благодарные слезы. Успех! Но повторить свой танец я не могла, кланяться выходила под руку с аккомпаниатором, иначе упала бы. Успех! И какая благодарность! Вместо цветов была дивная каша с маслом!

Так Елизавета Степановна родилась на белый свет в третий раз, уже как актриса и как боец МПВО. Днем работала, расчищала разрушенные бом-

бежкой дома, спасала людей, а вечером выходила на сцену.

Если говорить о Елизавете Степановне Богдановой, нашей землячке и замечательной артистке, то вся ее судьба как драматический танец, а в танце — целая жизнь. Было прекрасное, многообещающее начало — когда искусство ее было ярким, юным, беззаботным. Но пришла беда, наступило горестное время. Вышла из него Елизавета Степановна с гордо поднятой головой, красивая, непобежденная. Таковой она и запечатлена на старой фотографии. А потом третье действие судьбы: пять детей родила и воспитала наша героиня. Четырех дочерей и сына. Долгие годы после войны была ведущей солисткой в знаменитом ленинградском ансамбле цыган. Много ездила по стране, много видела. И радовалась, созная, какие талантливые дети растут: сейчас все пятеро — артисты Ленконцерта.

Уже восемнадцать лет она не выходит на сцену. Дел много: растут — подрастают девять внуков и внучек; вот уже и правнук появился. Семья большая, шумная. Не так давно подбежал к ней сын, кивнул в сторону приоткрытой двери в комнату. Там, перед зеркалом, отбивая ритм ладошками, плясала его семилетняя дочка, ее внучка Лиза.

Н. НИКИФОРОВА